

Евгения Бильченко

Вот такие теперь цветы

Вальс Леры

Чёрная Лера в чёрном монашьем платье,
Сестра ветерана Второй Чеченской,
Проклинает, мать её,
Либеральную интеллигенцию, но Чичерину

Тоже не слушает, предпочитая барокко.
Лера живёт с десятью котами,
С десятью алчевскими блокпостами.
Лере — не одиноко.

В этой питерской студии — много места.
Лера — Христова невеста.
Лера хотела бы стать журналистом, ибо
Верит в правду пера. Спасибо

Сислибам и комнатным патриотам,
Лера не стала корреспондентом
Ни одной из газет. Оттого-то
Она в похоронное всё одета

И улыбается над своею мечтой разбитой,
Жалея не регуляр, а ополченца.
У Леры есть вера в Бога и замполита
И мёртвый брат со Второй Чеченской.

С детства Леру не понимали:
Одноклассники, однокурсники.
У Леры отняли дали
Вдоль по маршруту подлодки «Курск».

И вместо далей дали вот это:
Собирать бинты для Алчевска.
Белая Лера в белое всё одета:
Это свадьба Второй Чеченской.

Мимо митинга, мимо красивых
Пацифистов, где вот это вот всё,
В чёрном платье идёт Россия,
Кота на руках несёт.

Люди с цветами

«Напиши,—говорит мне он,—напиши про нас.

Мы же есть, и нам тоже хочется внимания от поэта.

Начни,—говорит,—со слов: „Простите, что не с цветами встречаем вас,—
Мы просто боимся, просто боимся—только поэтому“».

Жаль, что я не умею стихов писать на заказ.

Всё, что я умею,—переписываться с другом Рыси,
Киевлянина-ополченца, который хочет домой, в Киев.

Всё, что я умею,—изучать огневые точки, молотилки и выси

Глазами подполья, которое мы никогда не кинем:

Оно погибнет, петляя по спискам, сокращая ходки по биссектрисе.

«Напиши,—говорит мне он,—не будь такой, как сейчас,—

Неоднозначной и злой: делай то, что умеешь делать».

Я говорю со студентами, я трачу тысячи фраз

На тех, чьи кишки наматывает на танки наши их кровный демон,

Потому что я не умею стихов писать на заказ.

Всё, что я умею,—переписываться с училкой

Русского языка из Харькова. Она пишет, что ей стыдно

Ждать эти танки, когда кругом—сплошная, блин, молотилка.

И она всё видит, всё понимает, просто ей так обидно.

И она не берёт денег: гордая каждой жилкой.

«Напиши,—говорит мне он,—у тебя получается лучше

Писать о нас, чем делать всё остальное».

У женщины из Донецка внучка была как лучик.

Ей не было года, и тельце её не сохранилось целое после боя.

Через восемь лет над внуком вторым куражится мир сучий.

Всё, что я умею,—переписываться с дембелем из Кривого Рога.

Его никто не взял в ополчение, а он так хотел, чтоб позвали.

Он стесняется, что боится обложенной автоматами улицы больше Бога,

И знай говорит мне о предках, как они во время воевали,

Говорит много, между обстрелами, сбивчиво и много.

«Напиши,—говорит мне он,—даёшь нам духовной силы!»

И я даю, я отдаю, хотя отдавать уж нечего.

Я отдала женщине из Одессы всё, что я накопила.

Она говорит: «Я выйду из дома, прогуляюсь вдоль танков вечером».

Мне стыдно за эти ресурсы: женщины не должны партизанить, милый.

Всё, что я умею,—это телеграфировать на посты,

Выколупывать пушки из роддомов, чтобы мир остался живым:

От Харькова до Мариуполя, от Волновахи до Воркуты,—

Давиться цветами до слёз на глазах, до Победы нашей, до тошноты,

Потому что стихи мои суть цветы,

Вот

такие

теперь

цветы.

Россия

Она казалось огромной, гранитной, мраморной.
Оказалась маленькая: и уже оконной рамы.
Оказалась совсем с ладошку. Оказалось, дрожат слегка
Руки солдата над стопкою коньяка.

Оказалось, вот эти все вот, курящие, сильные,
Смотрят по-детски, и нервный тик у них, и типает их, да.
Оказалось, что с женщиной семижильные
Не семижильные иногда.

Оказалось, что я взрослая. Что в итоге?
Надо смотреть и видеть детей в Харькове и в Ростове.
Надо снова смотреть на детей в Горловке и в Донецке.
На ботинке гуманитарном дырка размером с нэцке.

Этот выбросим. Этот — в ящик. Долой науку.
Сейчас не до науки. И не до заработков.
Только бы не упасть. Отдаёт в руку
Сердце: прошлое не накормишь завтраком.

А она оказалась маленькой. И так за неё ужасно
Страшно, что кажется, что меня уже вовсе нет.
Где-то ещё раз успело жахнуть.
У кого-то жизнь забрало в обед.

Мир вызывает всё больше холодного отвращения.
Нет, не мщение, нет, не травма, не рвущиеся клочки
Реваншизма. Просто весна заглядывает сквозь щели,
И нет фашизма, а только мир, и в мире том — васильки.

На изломе

Один — из окопа, другой — из уютной квартиры,
Из погреба — третий, четвёртый — из собственной тьмы:
Мы все наблюдаем крушение старого мира,
Святые и грешники, бесы и ангелы — мы.

Один не желал, а другой только этим и грезил,
Но обе позиции больше уже не важны;
Мир треснул, расползся по швам, и в открытом разрезе
Мы видим, как в явь претворяются страхи и сны.

Пробейся сквозь толщу их почвы побегом пшеницы,
И небо узришь ты, и в небе — последний салют.
История пишет свои роковые страницы,
Но мы ей нужны, мы недаром присутствуем тут.

Я тоже не знаю, какими окажутся всходы,
Военные взводы, церковные своды, каким
Окажется мир после этой шальной непогоды...

Но мы не сбежим.
Мы навеки останемся с ним.